

– 2014. – Вип. 42. – С. 178–183. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/eine_2014_42_28.pdf

7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002.

8. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. С. 3-8.

9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. 2-е издание. М.: URSS, 2002. – 264 с.

10. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 112–116.

11. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М.: АСТ, 2000. – С. 26.

12. Так щедро висвітлена доля // Радянська жінка. – 1982. – № 1 – с. 1-3.

13. Солдат, а матері – син // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 1-2.

14. Її кандидатський стаж // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 3.

15. Телефоністка // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 9.

16. Лід і полум'я // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 17.

17. Сім'я (кілька штрихів до портрета багатодітної родини) // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 18.

18. У своєму домі – господарки // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 20.

19. Просто хороша дружина // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 22.

20. Еліксир для чоловіків // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 29.

21. Будьте красиві в свята і будні // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 30.

22. Материнська слава // Радянська жінка. – 1982. – № 3 – с. 1.

23. Хазяйки // Радянська жінка. – 1982. – № 3 – с. 8.

24. Кому пекти пироги // Радянська жінка. – 1982. – № 3 – с. 18.

25. Я – Наталя Київська // Радянська жінка. – 1982. – № 2 – с. 21.

УДК 811.161.3'272:11

Г. В. Сериков, Л. П. Кузьмич

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

В статье в несколько необычном ракурсе рассматривается использование белорусского языка его русифицированными носителями. Читателю предлагается спроецировать на уровне внутренних субъективных ощущений собственную поведенческо-языковую модель повседневного и профессионального общения, честно ответить себе на некоторые вопросы и задуматься о существующей языковой ситуации.

Обучение иностранному языку, как это известно большинству из нас, представляет собой чередующиеся переходы с линии привычной языковой практики на другую, незнакомую, и обратно. Линии родственных восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского) в силу своей исторической природы, согласно новой модели мира, предложенной физиком Вадимом Зеландом [1], проходят рядом в метафизическом пространстве вариантов, непрерывно реализуясь в ежедневных отдельных речевых ситуациях, и поэтому носители этих языков без особого труда понимают друг друга, а при желании легко овладевают похожим языком соседа.

На физическом плане мы имеем следующую картину: Беларусь «равноправно» граничит с Польшей, Украиной, Россией, Латвией и Литвой, и речь многих жителей приграничных районов закономерно приобретает еле уловимые оттенки того или иного соседнего языка, что особенно проявляется в лексике и фонетике. Большинство же представителей среднебелорусских говоров и обоих диалектов (северо-восточного и юго-западного) не испытывают влияния со стороны языков народов-соседей, и поэтому огромная часть населения на энергетическом плане ощущает языковые линии примерно в таком порядке: 1) русский, 2) белорусский, 3) польский и украинский, 4) литовский и латышский. Проводя метафорическую аналогию с интернет-ресурсами, можно сказать, что больше всего пользователи «кликают» на линию русского языка: она более востребована, более «посещаемая». Ученик средней школы чаще просит объяснить значение белорусского слова посредством русского. Если же кто-то не понимает значения русского слова (малоупотребительного, например, или заимствованного), то ему в голову не придет докопаться до его значения посредством перевода на белорусский язык. В этом случае человек обращается к толковому словарю русского языка (или к Википедии в интернете).

На тонком плане «маятник» русского языка раскачивается энергией всех его приверженцев безоговорочно и естественно. Профессор Н. Б. Мечковская в одной из своих книг сравнила по значимости для белоруса русский язык с воздухом, а белорусский – с хлебом [2]. «Маятник» же белорусского языка подпитывается значительно слабее энергией своих сторонников, которые спорадически заходят на эту линию с целью обозначения своей профессиональной принадлежности, в большинстве случаев избирательно общаясь с коллегами по работе или учащимися в стенах научных или образовательных учреждений. «Маятнику» белорусского языка хватает энергии приверженцев лишь на то, чтобы хоть как-то поддерживать свои колебания и на физическом плане проявлять хоть какие-то признаки жизни языка. Согласно учению В. Зеланда «Трансерфинг реальности», энергия внешнего намерения успешно

реализуется только «в единстве души и разума». Поэтому, видимо, чтобы раскачать «белорусскоязычный маятник», необходимо иметь безоговорочное желание души говорить по-белорусски во всех без исключения коммуникативных ситуациях, а не избирательно, руководствуясь лишь понятием целесообразности, т.е. указаниями разума. Преподаватели белорусского языка, как никто другой, ощущают этот разлад души и разума на протяжении всей своей профессиональной деятельности. Большинство из них общается со своими детьми и родителями по-русски (если таковой язык можно назвать русским), т.к. именно на этой языковой линии устремления их души и разума совпадают, дискомфорта и разлада нет, «маятник» русского языка в этом случае подпитывается качественной энергией и поэтому всё больше раскачивается, увлекая за собой новые поколения белорусов. Определение белорусского языка как «матчына мова» уже давно звучит фальшиво, т.к. в подавляющем большинстве случаев не соответствует физической реальности. В окружающей нас действительности «проекция» белорусского языка реализуется через призму опыта русскоязычного мышления и говорения в немногочисленных секторах реальности: в некоторых периодических изданиях, художественной литературе, в отдельных радио- и телепередачах, на некоторых белорусскоязычных сайтах, в изданиях белорусской эмиграции, в школах и на филологических факультетах вузов. Синхронный «внутренний» перевод русскоформатных мыслей на белорусский язык, речевые паузы, обусловленные подбором подходящего белорусского эквивалента, оговорки и проскальзывающие русизмы, лексически бедная белорусскоязычная речь – вот признаки человека, мыслящего условно по-русски.

На энергетическом плане носитель «белорусскости» в большинстве случаев пожизненно обременен одной очень увесистой гирькой – «маятником» лжи, который вынужден раскачивать, лавируя между различными коммуникативными ситуациями, подсознательно разделяя собеседников на «своих» и «чужих». «Свои» – это, как правило, те, с кем можно поговорить на том языке, на котором думаешь, которым «дышишь». К «своим» относятся собственные дети, родители, родственники, соседи по дому и даче, не связанные профессионально с «белорусским маятником», случайные прохожие и члены временных коллективов, образующихся в домах отдыха, туристических походах, армейской среде и проч. «Чужаками» же на тонком, энергетическом, плане являются как раз те, с кем на плане физическом взаимодействуешь на профессиональном – белорусскоязычном – поприще. В силу необходимости подтверждения собственной принадлежности к белорусской национальной марке эти люди периодически перепрыгивают с линии русскоязычной на белорусскоязычную, незначительно раскачивая «маятник» последней. Незначительно потому, что действуют в разладе с

душой, предоставляя разуму право безграничного контроля над своими действиями: в данном случае – над говорением по-белорусски. В привычной физической реальности всё выглядит «как надо»: преподаватели-белорусоведы общаются между собой и со студентами по-белорусски. На плане же тонком всё выглядит иначе: обхватив разумом и душой «маятник» русского языка, энергетическая сущность белоруса с удовольствием раскачивается на этих удобных и просторных качелях и лишь от случая к случаю, пролетая мимо, подталкивает ногой соседний «маятник» «матчынай мовы», чтобы его колебания до конца не угасли. Что движет в этом случае белорусом? Высокая сознательность? Любовь к языку пращуров? Необходимость сохранить культурное наследие? Нет. Делать это белоруса вынуждает всё тот же «маятник» лжи, который, в случае необходимости, может задвинуть выскочку назад: «Говори, как все!»

Итак, мысленному взору читателя предлагается следующая картина. Сквозь разношерстную гудящую толпу идут навстречу друг другу (не подозревая о предстоящей встрече) два белоруса-филолога. По пути они беззаботно перебрасываются фразами со своими встречными знакомцами, общаются с близкими приятелями на языке своей души, даже не задумываясь над тем, какой это язык. Со стороны нам, однако, кажется, что и один, и другой разговаривают со случайными собеседниками по-русски. В какой-то момент они замечают друг друга... На тонком плане, под давлением разума, душа каждого из них, ощущая дуновение лёгкого дискомфорта, перескакивает с привычной языковой линии на «правильную», отдавая при этом энергетическую дань в виде недовольства «маятнику» лжи, подпитывая его и раскачивая еще больше. Пообщавшись о том о сём на линии белорусского языка, коллеги-белорусоведы отправляются дальше по своим делам, а их души, уже не сдерживаемые необходимостью, быстренько перепрыгивают на комфортную линию к привычным словам и речевым навыкам. С облегчением перепрыгнув назад, души белорусов опять заделали «маятник» лжи, сообщив ему дополнительно некоторое количество энергии в виде освободившегося довольства и желанного уюта.

Думается, Ваш опыт, читатель, готов тысячу раз засвидетельствовать тот факт, что никакими постановлениями, распоряжениями, указами и деятельностью партий и товариществ белорусский язык не сохранить, а уж тем более не обогатить и не развить. Все подобного рода потуги – это продукт разума, идущего вразрез с устремлениями души. Душа белоруса, склонившегося над детской кроваткой, говорит голосом мамы: «Сыночек, скажи «папа»...» И лишь много позже, уже в школе сыночек вдруг узнаёт, что на «матчынай мове» «папа» – это «тата».

В этой ситуации можно было бы попробовать не подпитывать своей энергией маятник лжи. Например, преподаватели кафедр

западноевропейских языков между собой говорят так, как привыкли говорить с детства (изредка, правда, вкрапляя иностранные фразы), т.е. на своём родном языке. *Родном в настоящем* смысле этого слова. И при этом не переживают по поводу того, что не говорят постоянно на преподаваемом языке со студентами, с прохожими, со своими детьми.

В нашем случае на белорусский язык также для начала следует попробовать взглянуть отстранённо и беспристрастно, как на инструмент общения, задав себе вопрос: «Что же это за инструмент, который не пускается в серьёзное дело, а используется лишь для театральных декораций?» Почему белорусы не могут доверять белорусскому языку белорусскую юриспруденцию, белорусское делопроизводство, военную мысль, терминологию тяжелой и легкой промышленности, бизнеса? Почему со своими детьми молодые родители начинают говорить по-русски, а потом лицемерно называют белорусский язык «матчынай мовай»? Каждый из нас знает ответы на эти вопросы, но озвучивать их не принято. Можно, конечно, пробовать говорить по-белорусски в повседневной жизни, но это напрягает еще по одной причине: не каждый кассир в магазине или работник в канцелярии понимает все белорусские слова, а постоянно выступать в качестве ликвидатора безграмотности утомительно и некомфортно.

Вернётся к белорусам белорусский язык лишь в том случае, если его по какой-то причине лихорадочно бросятся изучать все: от школьника до президента, если на нём будет модно говорить, если в этом контексте говорить по-русски будет не очень престижно, если каждый будет стремиться всё лучше и лучше овладеть белорусским языком, как это происходит в среде учащихся, соревнующихся в овладении английским, французским или немецким; когда у каждого появится органическая искренняя потребность в овладении языком, когда молодые мамы, склоняясь над своими детьми, и в мыслях не допустят знакомить своё чадо с каким-либо другим словом, кроме белорусского. Можно ли представить себе такую картину? Или это нечто из области фантастики? Опираясь на мысль В. Зеланда о том, что любой сценарий, возникший в воображении не есть иллюзия, а один из вариантов еще нереализованной действительности, можно с уверенностью сказать, что путь к именно такому сценарию развития событий уже имеется в пространстве вариантов, и этот путь не очень замысловат, и его требуется только разглядеть.

Список использованных источников

1. Зеланд, Вадим. Трансерфинг реальности: Вершитель реальности / Вадим Зеланд. – СПб.: Астрель АСТ, 2006. – 225 с.
2. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект пресс, 1996. – 206 с.